

18+

Валерий Осипов

О ЧЁМ ШЕПЧЕТ
ВЕТЕР

Сборник рассказов

Валерий Осипов

**О чём шепчет ветер.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Осипов В.

О чём шепчет ветер. Сборник рассказов / В. Осипов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530151-2

«О чём шепчет ветер» — сборник, написанный под впечатлением от стран и городов мира. Четырнадцать историй: приключения в Стамбуле, удивительный случай в Сан-Франциско, невероятная встреча в Нью-Йорке, фантастическое происшествие в Гонконге и трогательная история в Мадриде, эпические события на берегу реки Волги и современном Будапеште, нонсенс в туманном Лондоне, непредсказуемая история в древнем Китае и Руси. Это творческий эксперимент в разных жанрах: реализм, городское фэнтези, нонсенс, нуар.

ISBN 978-5-00-530151-2

© Осипов В.
© Издательские решения

Содержание

СТАМБУЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ	6
ЕСЛИ НЕ ГОСПОДЬ НАС ВСТРЕТИТ ТАМ, ТО КТО?	9
КУВШИН С ЛАВАНДОЙ	10
НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ РЕКИ РАВ	12
НЕ ГОТСКАЯ ИСТОРИЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О чём шепчет ветер

Сборник рассказов

Валерий Осипов

Иллюстратор Олеся Осипова

© Валерий Осипов, 2021

© Олеся Осипова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-0151-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАМБУЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

– Извините, сэр, мы начинаем снижение, просьба пристегнуть ваш ремень, – произнесла стюардесса, вежливо прикоснувшись к моему плечу. Я задремал и пропустил момент, когда капитан самолёта объявил о посадке.

Всегда любил этот процесс, хоть это страшно порой, но увлекаюсь, как ребёнок. Сначала ты спускаешься через густую завесу облаков, потом вдруг становишься птицей, пикирующей или парящей над миром, видишь маленькие поля, леса. Потом для тебя открывается вид на раскинутый от горизонта до горизонта город. Вот крутой вираж, внутри тебя всё замирает. Еще разворот и уже дома и строения под тобой различимы, ты мысленно считаешь секунды – ниже, ниже, ниже. Тряска. Всё. Сели. На этот раз я в Турции. Здравствуй, Константинополь! Простите, уже давно Стамбул.

Выйдя из салона, я с удовольствием вдохнул тёплый влажный воздух с запахом морской соли. Сентябрь, прекрасная пора для всех отдыхающих. Однако, я не планировал тратить время на праздное лежание на пляже, было гораздо интереснее поскорее взяться за дело. От предвкушения и значимости события настроение было прекрасным.

Я отправился в отель, прыгнув в заранее заказанное такси. С водителем, которого звали Илькер, болтали по-турецки почти до самого отеля. Говорили о разном. С удовольствием освежив навык языка я заодно узнал, что добираться из моего района в Главный исторический музей Стамбула, лучше всё же на такси, чем на автобусе или трамвае, если хочу сэкономить время. Поблагодарив его, я оставил хорошие чаевые.

В холле отеля, я столкнулся с толпой туристов, которая двигалась мне навстречу. Это были испанцы. Они громко что-то обсуждали и, видимо, выдвигались на экскурсию, подгоняемые гидом. Взгляд мой зацепился за синюю шляпу одной женщины, которая прошла мимо меня в этой же толпе.

– Сэр, осторожнее, вы сейчас меня свалите, – вдруг прозвучало совсем рядом, я вздрогнул и увидел служащего отеля, идущего на меня с коробками.

– Простите, – я быстро посторонился и попробовал отыскать глазами даму, мне показалось, что это могла быть моя давняя знакомая Алисия Каррерос. Хотя я не был уверен в этом, но мне бы совсем не хотелось, чтобы этот факт подтвердился.

Меня зовут Алан Монтре, я известный журналист-востоковед. Мне предстояло взять интервью у Гильзума Аласахерли, выдающегося мецената, под чьим чутким контролем была завершена реставрация манускрипта Баудолино 1204 года, найденного несколько лет назад во время ремонтных работ в мечети султана Мехмеда Завоевателя, бывшей Церкви святых апостолов и главного храма Константинополя. Это будет сенсация мирового значения.

Зарегистрировавшись на ресепшен, я решил не терять времени и отправиться сразу в Музей, чтобы уточнить все детали предстоящего интервью. Надеюсь, что появление госпожи Каррерос мне сегодня показалось. Алисия очень амбициозная и успешная журналистка, мой негласный оппонент в делах востока. Не по мою ли душу она могла здесь объявиться.

Я вызвал такси и через пять минут мы лихо помчались по улицам Стамбула, потом не очень лихо постояли в пробке на проспекте Ататюрка, перебрались через несколько крупных развязок и эстакад и, буквально через час, были около музея. Интересно, чтобы бы было, если бы я поехал общественным транспортом?

Я прошёл в административную часть, попросил пригласить главного менеджера музея для обсуждения предстоящего интервью. Представитель нашего фонда должен был согласовать все детали, поэтому меня интересовали лишь точное время и место.

– Алан, добрый день, – начал господин Бурсульоглу, – к сожалению на этой неделе вам не получится встретиться с господином Аласахерли, завтра он уже даёт интервью, а потом улетает на несколько дней в Европу.

Холодные мурашки пробежали по моей спине.

– Подождите, так он и должен давать его завтра мне, проверьте пожалуйста, – попросил я.

– Я уже проверил, сэр, он завтра в два часа после полудня встречается с журналистом BBC European History, госпожой Алисией Каррерос. Насколько я знаю, вы сотрудник Global History News, ведь так?

Дальше была какая-то паника, я полчаса пытался дозвониться до своего коллеги во Франции, потом требовал назначить встречу завтра, но почему-то у Бурсульоглу была только одна запись в расписании встреч с Аласахерли. Поскольку человек он был занятой и владел почти половиной коллекции данного музея, то беспокоить лишний раз его не полагалось, тем более встреча уже была подтверждена им лично, но вот только не со мной. Эта чёртова синяя шляпка! Она ещё и остановилась в моём отеле. Не хватало после этого фиаско встретиться с ней на ужине.

Так и не добившись ничего, я вышел из музея. Повторное разочарование ожидало меня почти сразу на выходе. Алисия в стильном синем костюме болтала с кем-то по телефону, радостно о чём-то вещая. Увидев меня, она закончила разговор и на французском языке произнесла:

– Привет, Алан, как я рада видеть тебя, сегодня ты был не приветлив в холле отеля, как ты?

– Я даже не знаю, что сказать, как ты умудрилась влезть опять не в своё дело? – глядя в её карие глаза на смуглом и чертовски красивом лице.

– Это как раз моё дело, Алан, а ты теперь можешь поискать ещё каких-нибудь сенсаций, но эта досталась мне. Прости, я говорила тебе три года назад, что ты не добьёшься тут успеха, а сейчас мне надо идти, приятных выходных в Стамбуле, – и легко побежала вниз по ступеням.

Скоротечность событий и удручающий результат моей поездки, которая ещё с утра была такой воодушевляющей, меня обескураживал. Как можно было упустить такой шанс? Я три года собирал материалы, ждал, наконец-то перевода оригинала документа об истинных причинах Крестового похода тринадцатого века. И сейчас вся сладкая тайна этого манускрипта достанется Алисии. Вместе с ней слава, статус и почёт.

Я медленно шёл по улице. Сентябрь расстилал красивый закат на темнеющем небе, бардовыми красками украшая белые облака и отражаясь в синем море. Такое же небо было здесь и сотни лет назад, когда тот самый Баудолино, писал свой манускрипт о причинах, побудивших Крестоносцев взять город и положить конец Величию Византии. Прозвучал Азан с призывом к молитве.

Я не заметил, как дошёл до прекрасной мечети Мехмеда Завоевателя. Вокруг было много прихожан. Дойдя до сквера, я сел на лавочку. Темнело.

Элегантно одетый мужчина пожилых лет медленно прогуливался рядом, смачно курил. Я, извиняясь, попросил его угостить меня. Хотелось курить, чтобы как-то унять нервный мандраж.

– Какой у вас прекрасный язык, вы ведь не турок? – спросил он меня, услышав мою просьбу

– Нет, я наполовину русский, наполовину француз, – ответил я, кивая ему в знак благодарности и беря сигарету.

Он протянул мне зажигалку, я закурил.

– Как вам удалось так хорошо освоить турецкий?

– О, я практикую его давно, я журналист-востоковед, знаю семь языков.

– Это впечатляет, что же привело вас сюда?

– По правде сказать я исследую эпоху средневековья, столкновение ислама и христианства, а здесь я по причине крестового похода на Константинополь.

Мой собеседник посмотрел на меня своими карими с хитрецей глазами.

– И что же стало причиной похода крестоносцев по-вашему?

– Официально сговор венецианцев и французов, но судя по недавней сенсационной находке, история может быть переписана, манускрипт Баудолино, говорят там пролит свет на истинные причины нападения.

– Вы думаете?

– Я более чем уверен, тем более Баудолино величайший алхимик тех лет, и я думаю, что мы узнаем много интересного, когда содержание будет озвучено, жаль я не смогу первым сообщить эту новость миру.

– Почему же?

– К сожалению моя встреча с одним важным человеком в чьих руках этот манускрипт по непонятным мне причинам завтра не состоится.

– Я думаю вам не стоит так расстраиваться. Баудолино может и великий алхимик, но его манускрипт не имеет никакого отношения к нападению на Константинополь.

– С чего вы взяли?

– Баудолино был тот еще плут и проходимец, и в своём великом манускрипте он пишет смешные эпиграммы про императора Балдуина Фландрского и о своих любовных похождениях.

Я смотрел на него с выпученными глазами:

– А откуда вам известно? – удивлённо спросил я.

– Как вас зовут вы сказали? – перебил меня мужчина.

– Простите, я забыл представиться – Алан Монтре, вот моя визитка.

– Меня зовут Гильзум Аласахерли, видимо про вас мне сказали, что вы отказались приехать на встречу. Поверьте мне, сенсации не случилось, но текст занятный, позвоните мне через неделю, мы можем это обсудить.

Меценат протянул мне визитку и учтиво поклонившись, отправился по своим делам. Ночь, спускающаяся на Стамбул, окутала меня успокаивающим саваном.

ЕСЛИ НЕ ГОСПОДЬ НАС ВСТРЕТИТ ТАМ, ТО КТО?

– Манька, беги!!! – рёв Степана едва пробился через лошадиное ржание. Топот. Крики. Треск деревянных домов, пожираемых пламенем. Плач детей. Раненым волком бросаясь на напавших печенегов, Степан рубил наотмашь, плечи гудели. Рубаха быстро намочала на груди от крови и пота. Саднило под рёбрами. Горло, словно обожжённое кипятком пылало.

Окружённый толпой врагов, Степан шатался, переступая с ноги на ногу. На него двинулись сразу трое. Превозмогая боль и пытаясь удержать меч в слабеющей руке, взмахнул клинком. Звон. Жгучая боль под сердцем и острая обида. Комок в горле застыл, не родившись криком. Естество сжалось внутри, заклокотало и ухнуло, как будто провалилось в бездонный колодец.

Ветер, живой и лёгкий, резво играет в ветвях бамбука, шелестя его листвой. Он летает между молодых побегов, взмывает ввысь, путается в сизых и белых облаках. Протяжен звук циня, вторящего этой забаве в ответ. Ноты складываются одна к одной в мелодию.

Байлун – белый дракон, сегодня благосклонен к погоде в этой Поднебесной. Тепло. Едва различимая дымка над горизонтом в послеполуденное время больше похожа на зыбкий утренний туман.

Царство гармонии. Место созидания и творения. Место силы. Плавное и стремительное течение времени, лёгкая и тяжёлая судьба, мягкая и твёрдая сущность. Всё в этом бытии двойственно и пронизано балансом.

Балансом с миром. Балансом с движением. Солнце заходит и восходит. Утром дождь падает на землю, чтобы к вечеру снова подняться в облака, испарившись. Зима наступает, чтобы вскоре обернуться летом, а дождливая осень, окрашивая в жёлтый цвет вечнозелёные листья бамбука, переключается с молодой весной, дающей свежим и юным росткам невероятную силу и энергию для движения вперёд.

Нахлынувшие образы, мысли и знания мощным водопадом прижали Степана к земле. Потом всё прошло. Он просто лежал на траве и смотрел в небо. Ничего не болело. Он сел, приготовившись скривиться или крикнуть, но тело было послушно и сильно. Напротив него стоял человек в оранжевом халате, с раскосыми, как у монгола, глазами, и улыбался. Его бритая голова была круглой, словно яйцо.

Степан посмотрел на него и спросил хрипло.

– Ты кто? Где я?

– А где тебе надо быть? – ответил незнакомец, и голос его прозвучал музыкальными переливами церковных колокольчиков, как у отца Игната на колокольне.

– Мне? – замешкался Степан, – Марья где? Что это за Поднебесная? Почему я цел?

– Как много вопросов. Ты еще спроси, как звучит хлопок одной ладони? – улыбнулся узкоглазый.

– Одной ладони? Как это? – Степан встал.

Незнакомец оказался ниже ростом почти на голову. Чувства тревоги, беспокойства, желания бежать, зачем-то умирать, постепенно таяли в душе Степана. Внутри стало спокойно.

Марья. Тёплое чувство того, что с ней всё хорошо не покидало его. Её красивый образ стоял перед его глазами.

– Пойдём со мной, Си ДиФен, – сказал проводник. Если тебе повезёт и Яньло Ван, Владыка преисподней, будет к тебе благосклонен, то лет через пятьдесят ты встретишься со своей Ма Ли Я.

– С кем? – непонятливо переспросил Степан.

– С женщиной твоей! Где она сейчас не знаю, но этот вопрос можно уладить. Сейчас пошли пообедаем и я расскажу тебе, что и как у нас тут устроено.

КУВШИН С ЛАВАНДОЙ

«За утреннюю дымкой в дали,
Смотрю я сквозь сердца.
Где был рассвет, там грянет ночь, —
Где ночь была, да будет свет.»
Подражая Ли Бо.

Утром, как обычно выполнив все дела по написанию отчётных грамот и отправив посыльного в столицу, Ли Цзи плотно позавтракал, вкусив просяную кашу, сливы и немного козьего сыра. Погода хмурилась, хотя утренняя рассветная дымка обещала обратное, но настроение у мироздания переменялось, собирался дождь.

Жена суетилась по дому, служанки помогали ей. Дети ушли в школу: младший – Ли Вэнь еще только постигал основы счёта и посещал младшую группу, старший – Ли Цюнь уже ловко писал иероглифы и вовсю читал, подспудно увлечшись скульптурой и лепкой из глины.

Провинциальный город Сюлинь, что к югу от столицы Бэйцзина, славился своими гончарными мастерами, и Ли Цзи тешил себя надеждой, что старший сын пойдёт по стопам деда, великого гончара Поднебесной – Ли Янкая.

К обеду старший сын вернулся из школы, притащив с собой в котомке несколько статуэток из глины, и поставил их возле камина, где обычно хранил свои лучшие работы.

Ли Цзи, добро улыбаясь, спросил сына:

– Сам сделал? Или взял у кого?

Сын, хищно посмотрев на отца, заорал:

– Заткнись! Не трогай! – и, пнув подвернувшегося кота ногой, выбежал из комнаты с криком.

Ли Цзи немного ошалел. Что это? Переходный возраст?

Гнаться за мальцом настроения не было и, решив поговорить с женой вечером, Ли Цзи пошёл на центральный базар, узнать, чего новенького творится в округе.

Рынок гудел ульем: покупали, продавали, спорили, завозили, увозили, разгружали. Ли Цзи, по долгу своей службы, был статистом высшего разряда, систематизировал информацию по северному уезду Сюлиня и отправлял данные в столицу. Приходилось быть в курсе всех событий, особенно, их количественных показателей. Базар – прекрасное место для получения свежих новостей.

Там судачили обо всём. Постепенно Ли Цзи уловил интересную нить: то там, то тут судачили о монахах-душепийцах, которые повадились нападать на людей после прошлого полнолуния. После этого люди превращались в неразумные создания, не способные ни на что, кроме поедания пищи и справления естественных надобностей.

Ли Цзи таким сказкам старался не верить, мало ли чего болтают, хотя в каждой сплетне есть только доля сплетни.

– А еще они притворяются игрушками и выпивают души детей, – трещал торговец специями По Ван, отвешивая порцию лютого перца очередному покупателю.

– Эй, Ли Цзи, привет, – крикнул он, – Как твои дела?

– Спасибо, ничего, а что ты там про детей говоришь? – переспросил Ли Цзи.

– Да то, что наемни у тётушки Као, племянника демон сделал безумным! Выпил всю душу! Как теперь бедолаге жить? Одному Будде известно...

– Вон как, ты правда веришь в это?

– Да мне не надо верить, я сам видел, – ответил По.

Нездоровые ощущения появились внутри у Ли Цзи, словно горчицу козьим молоком запил, как-то всё стало тошнотворно.

– А как он действует, этот демон? – спросил Ли

– Мне почём знать... – начал было По.

Его перебил подошедший Сяо Даосин, одинокий отшельник, вроде бы монах, живущий на окраине города.

– Это не демоны, а мелкие злые духи Чу-Чхи, сбежавшие после проделок Девятихвостой Лисы из Преисподней. Почти всех отловили, осталось поймать еще пятерых, самых злобных, которые сначала бешенством поражают душу, а потом выпивают её, и ищи-свищи их по всей округе.

– Бешенством? – у Ли Цзи зашевелились волосы на голове, – У меня сынок старший сегодня накричал на меня, избил кота, как-то странно было это всё, еще гору статуэток притащил домой из школы!

– Статуэток? Вот дурень, он сам притащил духов домой, давно это было?

– Да часа два назад!

– Есть еще шанс спасти его, бежим! Захватчу только кувшин с лавандовым маслом, Чу-Чхи страсть как падки на ароматы.

Сяо Даосин, Ли Цзи и оставивший свою торговлю на помощника По Ван, стремглав бросились к дому чиновника.

Там стоял переполох.

Бившийся в припадке злости и истерики, старший сын Ли Цюнь, бросался на мать и слуганок с чайником кипятка. Дома был страшный беспорядок, служанки плакали навзрыд.

Одной досталось горячей воды на лицо, а жена Ли Мао пыталась обуздать сына, но тот еще пуще принимался ругаться и раскидывать вещи.

– Успели! – радостно закричал Сяо Даосин, врываясь в переднюю комнату и доставая из сумки кувшин с крышкой.

– Точно? – испуганно спросил Ли Цзи.

– Точно, дальше дело техники. Статуэтки потом нужно разбить молотком! Эй, Чу-Чхи, а ну домой, – громогласно закричал он, надвигаясь на застывшего вдруг сына статиста.

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ РЕКИ РАВ

– Так, давай рассказывай, – строго сказал Ваджяй, глядя на заходящее солнце.

– Ты помнишь тридцать шестой год? – ответила Верья-Патяй, закутываясь в красную шаль, что плащом свисала почти до самых стоп.

Вечерело. Будапешт окрашивался в розовые оттенки в тон угасающего светила. Даволков выдался на редкость тёплым. Однако, зиму никуда не деть, хоть плюс десять, а всё равно пробирает.

– Кто ж не помнит, тогда потрясло всех основательно. Да, что там потрясло..., вытрясло всех, как старый пыльный картофельный мешок.

– Да, уж! Норрова-Апаручи звонила, говорит в Устье Яика опять что-то не спокойно, капища оживают, старое поднимается опять.

– Понятно, – Ваджяй задумчиво глядел на запад, – зря Нишки-Пас тогда поверил Батью.

Розовый клевер, пушистый и ароматный, настоящее лакомство для шмелей и пчёл, кружащихся над цветущим лугом, благоухал. Колокольчики, лютики, жёлтый донник, сурепка, пастушья сумка со своими бледными лепестками, свёрнутыми в котомку, дополняла красочную картину. Очередной, и уже двадцать пятый, день месяца аштемкова (июнь) клонился к закату.

Верья-Патяй сидела на высоком берегу реки Рав, которая извилистой дорогой уходила на восток к булгарам. В белом платье с красным поясом и венком из полевых фиалок в волосах она была прекрасна. Нишки-Пас, её возлюбленный, стоял чуть в стороне. Всматриваясь в далёкий южный горизонт, над которым собирались угрюмые клочковатые тучи.

– Завтра я уеду. Нас ждёт великое будущее, все эрзя будут объединены, мы станем сильнейшим государством от предгорий Яика до вепсов и саамов! – Нишки-Пас с восторженной дрожью в голосе развернулся к Верья-Патяй.

Она посмотрела на него вдумчиво.

– Ты едешь, со всеми братьями? Это не опасно?

– Конечно, опасно! Но он обещал не трогать нас, и дать нам все привилегии. Мы беспрепятственно пройдем до границ улуса Джучи, встретимся с ним.

Нишки улыбнулся, видя ее встревоженность:

– Не переживай, я получил от него грамоту, он обещает нам великие блага, а ты знаешь, что нет большей радости для меня, чем объединить весь наш род! Осталось сделать всего несколько шагов. Отец не дождался всего три века до этого памятного дня.

– Нишки, чует моё сердце, что спешишь ты, но делай как знаешь, ты мудрый правитель, а что говорит сестра?

– Ним? Ее дело заниматься детьми, и не лезть в государственные вопросы.

– Как знаешь.

– Пойми, потомок великого Темучина, предводителя монголов, слова на ветер не бросает, все будет хорошо.

С этими словами Нишки обнял жену, не обращая внимания на слёзы, катящиеся по ее щекам. Солнце пряталось за горизонт, лишая разрозненные земли эрзя тепла. Нишки горящим взором провожал светило на покой.

С наступлением сундерькова (ноября) Нишки так и не вернулся, вероятно, остался вместе с братьями ждать весны.

Верья-Патяй каждый день выходила на берег реки и по долгу смотрела на южный горизонт, словно силясь разглядеть там радостное, волевое лицо Нишки, гордо скачущего на лихом рысаке с верительной грамотой и поддержкой его нового друга.

Шли дни. Зима так и не хотела наступать в этом году. Дожди сменялись оттепелями. Погода всё никак не могла решить, каким же путём ей следует пойти.

Приехал Важдяй, инязор северных земель эрзя.

– Верья, здравствуй! Я слышал, что Нишки уехал в улус, зря он не взял нас с собой, это опасная дорога, и никто не знает, что может задумать наследник Джучи.

– Важдяй, я думаю он знает, что делает, но чувствует моё сердце, что-то надвигается, – сказала Верья-Патяй часто моргая.

– Весь мир сейчас на распутье: в пр,Оедгорьях Яика много отшельников, зима тёплая, по Ратору лады ходят до сих пор, многие бывали в Хвалыни, не спокойно там.

– Ты думаешь, Бату может обмануть?

– Верья, я не знаю ничего, но мне немного не по себе, что-то гонит людей с юго-востока на север. Люди двигаются туда, где холоднее, вовсе не от радости.

Сердце Верья-Патяй вопреки тёплой зиме всё больше и больше замерзло, что-то подсказывало ей, что вряд ли она еще когда-либо услышит голос Нишки. И не только его одного.

В тёплый и не характерный даволков (февраль), почти бесснежный с дождями вместо метелей, пошли слухи, что год выдастся неурожайным. Мало снега, мало зерна, а если лето будет сухим, тогда жди беды. Но беда пришла раньше. От соседних буртасов, что жили южнее болгар, пришли вести: идёт большая беда, огромное войско хана движется на эрзянский край.

Пали кипчаки, у славян с их бесконечными междоусобицами поддержки было не снискать. Важдяй предпринял попытки встретиться с Назаром-Пасом, предводителем мокшан, чтобы объединить войска и дать решительный отпор надвигающемуся войску Батыя. Однако, мокша ответили отказом, сославшись на отдельное соглашение с Батыем о мирном проходе его войска.

Время убегало. И никто не мог сказать, чем всё закончится, но, когда пали первые отряды на территориях эрзя стало понятно, что Батый прокатится на безжалостном и голодном скакуне через все земли эрзя. Особенно стало страшно, когда дошли слухи о его беспощадном юрччи, который с особой жестокостью расправлялся с не покорявшимися племенами.

Панжиков (май). Сладкий запах расцветающих деревьев и молодой травы и побегов пьянил. Огромное войско Батыя встало ночлег на левом берегу Рав. Верья-Патяй пришла последний раз взглянуть на великую реку, чтобы с рассветом отбыть в сторону Руси, потому что противостоять хану было невозможно.

Раздался стук копыт. Верья вздрогнула. Кто-то ехал по высокому берегу к ней.

Сфероконический шлем, лисий хвост на плечах. Явный отличительный признак высокого происхождения, почти как у кипчаков.

– Ты здесь? Я так и знал! – прозвучал голос Нишки-Паса.

Верья вздрогнула. Таким родным и одновременно чужим показался ей голос того, кого она так ждала последний год.

– Нишки, ты вернулся? – дрожащим голосом произнесла она, выбегая ему на встречу.

Он спешил, сделал несколько крупных шагов и обнял её за талию. Притянул к себе. Прижался губами к губам.

Верья поцеловала его. От него пахло потом, лошаадьми, бараньим салом. Он был заросшим и суровым.

– Как я и обещал, Бату не подвёл! Теперь нам покорятся все эрзя, от Яика до саамов.

– Нишки, но ты напал сам на свой народ? Разве этого хотел ты, когда мечтал о славе правителя? – спросила Верья.

– Вышло даже лучше, я могу теперь распоряжаться судьбами десятков тысяч людей, могу карать, могу повелевать. Скоро падут мокшане, удмурты, русь, нам не будет равных! – рассмеялся он.

В глазах отразилась последняя нотка зари, красной каплей скатившись в глубину души.

– Нишки, мне страшно, стоит ли это таких жертв?

– Жертв? Конечно, это как дар Богам, как жертва для нашего светлого будущего? Ты со мной? – Спросил он, снова сжимая её в объятиях.

– Я... Мне нужно подумать, – попыталась отстраниться Верья.

– Думать?? Я уже всё придумал, пошли. – сказал он, беря ее за руку и разворачиваясь с лошади. – Мы едем в стан, завтра здесь будет жарко.

– Верья, ты здесь? – раздался голос Важдя.

– Важдяй, беги! – закричала Верья увидев друга, что спускался к ним.

Нишки оттолкнул Верья и выхватил изогнутый палаш, не собираясь разговаривать с незнакомцем.

Заговорил Важдяй:

– Здравствуй, Нишки, лютый юртчи Батыя, много ты погубил наших братьев ради своего безумного плана и жажды власти.

– И тебя погублю, безродный, – закричал Нишки и замахнулся палашом стремительно сокращая дистанцию.

Важдяй выхватил свой клинок и раздался звон. Лезвие в лезвие. Диагональный взмах в диагональ. Беспощадно круша противника Нишки, смеялся. Как смеялся сотни раз, разрушая всё на своём победном возвращении домой.

Ударил колко и стремительно вперёд, Нишки пропоров Важдю кафтан на груди. Важдяй отклонился назад, почти распластавшись в воздухе и пнул ногой в эфес палаша Нишки. Тот не удержал клинок в руке и оружие, взвившись, смертельного дугой в воздухе полетело на землю, на молодую зелёную траву. Нишки прыгнул вперёд, норовя сбить Важдю с ног, но тот ударил наотмашь. Острое лезвие эрзянского клинка пробило корпус Нишки-Паса насквозь.

Не родившийся крик повис в воздухе, подхваченный ветрами над великой рекой Рав.

Аштемков выдался на редкость жарким. А знойное лето тысяча двести тридцать шестого года от рождества некоего мальчика, сына Иосифа из Назарета ознаменовалось пожарами и нашествием хана Батыя на всю территорию юга Евразии.

НЕ ГОТСКАЯ ИСТОРИЯ

– Да, чтоб тебя!!! – заорал я, выкручивая руль резко вправо. Машина круто вильнула и уверенно протаранила пожарный гидрант, услужливо ожидавший зазевавшегося «водилу» на краю проезжей части. Гидрант полетел на тротуар, а фонтан воды в лучших традициях голливудских фильмов взвился свободно в высь, претендуя на место под солнцем наряду с небо-скрёбами пятой авеню. Но куда уж там ему, маловат будет.

Выскочив из Доджа и, хлопнув дверью, я разразился чередой проклятий в адрес прелестной рыжеволосой особы на красном Шевроле Камарро, что строила мне глазки два перекрёстка назад и, по вине которой, я умудрился покорёжить машину.

Вторник. Нью Йорк. Прекрасное начало недели и неожиданный поворот не туда. Гидрант выдал последний столб воды и замер, наблюдая как она, вода, падает с высоты третьего этажа на серый асфальт.

– Нормально она тебя сделала, ахаха, – раздалось за моей спиной, – бродяга заливался смехом, сидя на картонке возле входа в торговый центр, – не хлопай ушами, неудачник!

– Эй, прикрой свой рот лучше, – я зло отмахнулся от него.

Подъехал экипаж из полицейских. Повреждений сильных не было, чуть помятый бампер. Для страховой это сущие пустяки, поэтому решение вопроса о дальнейшем движении заняло чуть более часа.

Раздался звонок на мобильный. Звонил Марк Чиповски, мой юрист и партнёр по бизнесу.

– Да, Марк, – ответил я, – уже скоро буду, попал тут в передрагу.

– Джон, твою мать, скоро это когда? Ты уже опоздал на сорок минут, ты где? Тут очередь из страждущих до находки.

– На углу пятой авеню уже, – обнадёжил я.

– Уже!! На углу с какой из сорока девяти улиц? Что там у тебя? Тебе до меня еще минут тридцать ехать, а с учётом трафика и того дольше, ты же понимаешь, что вопрос важный...

– Да, влетел в гидрант, сейчас выезжаю. Рыжая мадемуазель подрезала меня немного, – я перебил Марка на половине фразы и, прыгнув в машину, продолжил движение в сторону Публичной Библиотеки.

– Марк, извини, так вышло! Еду. Так что там Кессиди? Дали разрешение?

– Джон, я один из лучших юристов города, обижаешь, мы получили эксклюзивное право на перевод реплики Херефордской карты мира! С тебя бутылочка бурбона 79 года, – радостно подытожил Марк.

– Хоть 78! Думаю, что это не реплика, это оригинал. Только язык у меня вызывает вопросы. Это не готский, но точно что-то из восточногерманского. Надо полагать, их местные мудрецы не поняли, что это за язык, – с лёгкой толикой злорадства ответил я.

– Тебе виднее, но мне стоило не малых трудов убедить их отдать переводную часть нашему агентству. Это редчайшая карта. Их две в мире. Эту обнаружили в одном антикварном лоте на аукционе. Помнишь Брайана Хаммермаера?

– Это меценат из Дюссельдорфа?

– Да! Его рук дело, знатный был ценитель древностей. После его смерти вся его коллекция пошла на открытый аукцион. И, Джон, не забудь поставить подписи, чтобы всё было легально, я отъеду на часок. – Марк повесил трубку.

Новость от Марка меня успокоила и настроение моё значительно улучшилось. Я предвкушал погружение в древний квази-готский язык, что ждал меня на Херефордской карте. Почему квази? Потому что при первичном прочтении специалистами выяснилось, что «готоведы» не понимают, что там написано.

Наше агентство «Джон о Айвэн эн Чиповски» одно из лучших историко-лингвистических агентств Нью-Йорка, со специализацией на переводе языковых древностей германского и кельтского происхождения. Меня зовут Джон Спыхальски, или когда-то Иван Спыхальский, этнический поляк, родившийся ещё в Советском Союзе. За спиной дюжина языков и блестяще выполненных работ для ведущих Музеев мира.

Наконец припарковавшись, я бодро взлетел по ступеням библиотеки, пробежал в административную часть, где было достаточно людно сегодня.

У кабинета Кевина Кессиди, директора Библиотеки, никого не было. Прекрасно. Я поступал.

– Да, войдите, – раздалось из-за двери.

– Добрый день, мистер Кессиди, добрался до вас не без приключений, рад вас видеть – сказал я, улыбнувшись.

– Здравствуйтесь, мистер Спыхальски, – отводя глаза ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.